

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Проклятие

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619875*

Аннотация

«... «Передают из достоверных источников, что Леонид Андреев находится в настоящее время в Антверпене. Писателю город очень понравился. Целыми днями его видят гуляющим по набережной и в гавани».

– А надо будет, в самом деле, когда-нибудь, – подумал Андреев, – проехаться в Антверпен. Вероятно, любопытный город.

Отложил первую газету и взял другую.

«На днях в дружеской беседе Леонид Андреев, – сообщалось во второй газете, – восхищался немецким поэтом Бирбаумом. Он считает его одним из лучших представителей немецкой поэзии».

– Бирбаум... – прошептал Андреев, – странная фамилия. Надо будет почитать что-нибудь Бирбаума... ...»

Аркадий Аверченко

Проклятие

Однажды Леонид Андреев затосковал.

Сначала его забавляли неизвестные молодые люди, приезжавшие к нему по два и по три раза в день, – а потом надоели.

Каждый из них, явившись к Андрееву, уводил писателя в угол и, судорожно вцепившись в пуговицу его бархатной тужурки, подавленным шепотом спрашивал:

– Что вы скажете о мессинском землетрясении?

И он смотрел на Андреева такими испытующими глазами, что тому делалось ясно: неизвестный молодой человек подозревает его в организации и устройстве этого бедствия.

– А что? – тоже подавленным шепотом спрашивал испуганный Андреев. – Я в то время был у себя на даче... и, клянусь вам...

– Нет, я хочу знать, как вы находите это землетрясение?

– Оно... ужасно... неприятно, – неуверенно отвечал Андреев.

– Да? Очень вам признателен. Я так и напишу: Леонид Андреев в дружеской беседе высказал свой ужас и возмущение перед загадочными силами природы, которые... Очень вам благодарен! Бегу.

И он убежал, уступая место другому молодому человеку, такому же симпатичному и юркому.

Второй молодой человек тоже цеплялся за Андреева, как утопающий за соломинку, и с истерическим любопытством спрашивал:

– Какое ваше мнение о Толстом?

– О Толстом? Великий старик, сделавший...

– Благодарю вас. Очень рад был с вами побеседовать! Я так и напишу: недавно Андреев в тесном семейном кругу высказал не лишнее оригинальности мнение о Толстом. Толстой, – сказал писатель, – хотя и велик, но его старость и сопутствующие этой поре жизни немощи лишают его возможности дать вещи, подобные незабвенным прежним: «Анне Карамазовой» и «Братьям Карениным». Мерси. Лечу.

Третий молодой человек, стоявший в затылок за вторым, ловким движением ноги отбрасывал второго, уже насытившегося, в сторону и спрашивал Андреева в упор:

– О Метерлинке! Что скажете?

– Метерл...

– Благодарю вас! Я так и сообщу нашим читателям! Я очень рад, что ваше мнение совпадает с моим. Лечу. Привет супруге.

Постепенно все это приелось Андрееву.

– Ах, как бы я хотел развеселиться! – говорил он.

– Господи! – удивлялась жена. – Что же может быть легче!

В передней есть еще три молодых человека. Позвать? Может,

они тебя развеселят...

* * *

Однажды Андрееву пришла в голову лукавая мысль: потихоньку, инкогнито, уехать в Москву и там повеселиться вовсю.

Он остриг волосы, надел черные очки и, взявши чемоданчик, поехал в Москву.

Умылся в номере гостиницы, радостно ухмыльнулся и, довольный собой, зашагал на Тверскую.

Навстречу ему шли две московские барышни.

– Вот Андреев, – сказала одна.

– Леонид, – добавила вторая.

Они остановились и повернули за писателем, смотря на него с изумлением и страхом.

– Идет по улице... – прошептала одна с остолбенелым лицом.

Другая всплеснула руками:

– Смотри, смотри! В калошах... Андреев в калошах!

– Что вам угодно, барышни? – со вздохом спросил Андреев.

– Ай-ай-ай! – взвизгнули обе. – Разговаривает!

И, обезумевши от ужаса, бросились врассыпную.

На Тверскую Андреев не пошел. Накупил газет и, печальный, побрел в свой номер.

В первой газете, которую он развернул, было написано:

«Передают из достоверных источников, что Леонид Андреев находится в настоящее время в Антверпене. Писателю город очень понравился. Целыми днями его видят гуляющим по набережной и в гавани».

– А надо будет, в самом деле, когда-нибудь, – подумал Андреев, – проехаться в Антверпен. Вероятно, любопытный город.

Отложил первую газету и взял другую.

«На днях в дружеской беседе Леонид Андреев, – сообщалось во второй газете, – восхищался немецким поэтом Бирбаумом. Он считает его одним из лучших представителей немецкой поэзии».

– Бирбаум... – прошептал Андреев, – странная фамилия. Надо будет почитать что-нибудь Бирбаума...

Встал и, потянувшись, взглянул на часы.

– Ужасно однообразные газеты нынче... Восемь часов... Пойду-ка я куда-нибудь в театр повеселиться.

Вышел, сел на извозчика и сказал:

– Вези меня, братец, в какой-нибудь театр. Смерть, хочется повеселиться. Хе-хе...

– В Художественный? – спросил извозчик.

– Можно и в Художественный. Впрочем, нет, брат. Там идет моя «Анатема». Вези куда-нибудь в другое место. К Коршу, что ли.

Приехав в Коршевский театр, Андреев купил билет и на

цыпочках вошел в зрительный зал.

На сцене стоял актер в студенческом мундире, страстно взывая к актрисе:

– Оль-Оль! Я люблю тебя! Посмотри на эти Воробьевы горы...

– «Дни нашей жизни», – разочарованно прошептал Андреев. – Экая незадача!

Неприятная горечь накоплялась в груди и комком подкапывала к горлу.

Он встал, вышел на улицу и сел на другого извозчика.

– Вези меня, голубчик, в какой-нибудь театр, кроме Художественного и Солодовниковского.

– Пожалуйте!

Подойдя к кассе третьего театра, Андреев взял билет и спросил кассиршу:

– А что сегодня идет?

– «Анфиса», Леонида Андреева. Очень хорошая вещь.

Андреев скомкал билет и со стоном выбежал на улицу.

– Есть еще один театр, – сказал он сам себе, – но у меня и пьеса еще одна есть: «Жизнь человека». Я уверен, что наткнусь именно на нее. И еще один есть театр. Но туда не стоит и показываться: там, я знаю, – «Черные маски».

Во взоре его светилось отчаянье.

Громадный равнодушный город катил перед ним тысячные людские волны, громадный город заключал в себе массу развлечений, но – все они были не для него.

– Для всех, кроме него! Ха-ха!

Чем дальше, тем все больше и больше ему хотелось поселиться... Взгляд его упал на гигантскую огненную вывеску «Синематограф „Moderne“».

– Пойду я хоть в синематограф, – подумал несчастный и уныло побрел в иллюминированный подъезд.

Через минуту публика в ужасе шарахнулась от какого-то невысокого черного человека, который со страдальческим воем, расталкивая всех, бросился к выходу.

В синематографе демонстрировали сенсационную картину: «Леонид Андреев у себя на даче. Только самое короткое время! Леонид Андреев на моторной лодке. Редкое зрелище! Леонид Андреев и Оскар Норвежский за чаем! Леонид Андреев говорит в граммофон. Невозможное стало возможным! Спешите смотреть!»

На лице Андреева застыла мертвенная скука; в глазах виднелось страдание. Он махнул рукой и пошел на вокзал написать жене письмо, – что завтра выезжает обратно.

– Открыточку? – спросила его продавщица в вокзальном киоске. – Вот, пожалуйста... Не желаете ли: Леонид Андреев, последний выпуск.

Андреев, шатаясь, отошел от киоска, опустился на колени и, воздев руки кверху, заплакал:

– Господи! За что ты меня проклял?!